Валерий Юрьевич МЕРИНОВ

ДИСКУРС СОЦИАЛЬНОЙ СЕГРЕГАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Д.И. ФОНВИЗИНА

В статье рассматривается дискурс социальной сегрегации в творчестве крупного русского драматурга и публициста XVIII столетия Д.И. Фонвизина. Утверждается, что в художественно-публицистическом творчестве Д.И. Фонвизина отразилась драматическая борьба благоприобретенных и проповедуемых в близком окружении Н.И. Панина просветительских идей и личных интересов собственника крепостных рабов. Довольно гибкая система взглядов позволила сатирику, с одной стороны приобрести репутацию критика российского политического режима и гуманиста, с другой - транслировать демократический социальный идеал, а с третьей - прикладывать максимальные усилия в дело сохранения крепостных порядков в России. Видя в Европе потенциальную угрозу потери привилегий русскими аристократами, стремительное разрушение основ сословного общества, Д.И. Фонвизин предлагал в своем творчестве проекты его спасения. Основой социального порядка сатирик считал чистоту сословной крови и сопутствующие каждому сословию особые качества, поэтому большое внимание уделял вопросам разделения основных социальных страт – властителей и подвластных.

Ключевые слова: *Фонвизин, Просвещение, русская публицистика XVIII века, дискурс социальной сегрегации, авторитаризм, социальные модели поведения.*

Valery MERINOV

DISCOURSE OF SOCIAL SEGREGATION IN PUBLICIST WORKINGS OF D.I. FONVISIN

The article examines the discourse of social segregation in the works of the prominent Russian playwright and publicist of the 18th century D.I. Fonvizin. It is argued that the dramatic struggle of the acquired and preached in the close circle of N.I. Panin's educational ideas and personal interests of the owner of serfs. A rather flexible system of views allowed the satirist, on the one hand, to gain a reputation as a critic of the Russian political regime and a humanist, on the other, to broadcast the democratic social ideal, and on the third, to make maximum efforts to preserve serfdom in Russia. Seeing in Europe the rapid destruction of the foundations of the estate society, the potential threat of the loss of privileges by the Russian aristocrats, Fonvizin proposed projects for his salvation in his work. The satirist considered the basis of the social order to be the purity of class blood, and the special qualities accompanying each class, therefore he paid great attention to the issues of social division of the main social strata - rulers and subordinates.

Key words: *Fonvizin, Enlightenment, Russian journalism of the 18th century, discourse of social segregation, authoritarianism, social models of behavior.*

Волшебный край! там в стары годы,
Сатиры смелой властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы…
(А.С. Пушкин «Евгений Онегин»)

«*Вы что, хотите, как в Париже?*»
(Из интервью В.В. Путина)

Д.И. Фонвизин оставил яркий след в русской литературе и публицистике. Его сатирические пьесы «Бригадир» и «Недоросль» стали классикой русской драматургии. В сатире художественное начало неотделимо от и публицистического. Автор смело погружается в актуальную действительность, бичует социальные недостатки и человеческие пороки. В то же время сатира как специфический тип видения мира подразумевает наличие у писателя высокого гражданского идеала, отсюда её «обличительно-проповеднический характер» (Горнфельд https). Вопиющее несовпадение изображаемой низкой реальности с чаемым состоянием всего общества или его частей, как правило, и порождает комический эффект.

Д.И. Фонвизин приобрел у современников и потомков стойкую репутацию борца с несправедливостью, защитника «униженных и оскорбленных», сторонника современных форм общественной жизни, исповедовавшего «устойчивое отрицание… идеи деспотического управления» (Лотман 2000: 39). А.С. Пушкин называл Фонвизина «другом свободы», постоянно обращаясь к нему в своем творчестве (см.: Томашевский 1990: 62-63), а В.Г. Белинский в «страшной картине французского общества» разглядел «начало Французской революции» (Белинский 1953-1959: 205).

В советском литературоведении (Г.М. Макогоненко, Д.Д. Благой, П.Н. Берков и др.[1]), было принято не только считать Д.И. Фонвизина

[1] См.: Благой Д.Д. История русской литературы XVIII века., М.: Учпедгиз, 1960 – 582 с.; Берков П.Н. Театр Фонвизина и русская культура // Русские классики и театр М.-Л.: Искусство, 1947, С. 7-108; Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. Учебник/Вступ. статья А. Зорина. – М.: Аспект Пресс, 1999.– 453 с.; Гуковский Г.А. Фонвизин // История русской литературы. Т.IV. Изд-во АН СССР, М._Л. 1947 Кулакова Л.И. Денис Иванович Фонвизин. М.; Л., 1966; Пигарев К.В. Творчество Фонвизина. М., 1954; Коршунов Н.В. Фонвизин // Общественно-политическая мысль России XVIII — начала XX века: Энциклопедия. М., 2005; и др.

приверженцем идей Просвещения, каковым автор «Рассуждения о непременных государственных законах», без сомнения, являлся, но и видеть в нем чуть ли не приверженца радикальных политических перемен в России. Считалось, что «…обличая уродства социальной жизни… и показав истинное лицо российского помещика… (Фонвизин – М.В.) продолжил эту борьбу дворянских просветителей с идеологией крепостников…» (Макогоненко 1969: 229-230). Г.А. Гуковский называл идеологию Д.И. Фонвизина «дворянским либерализмом» (Гуковский 1999: 237).

Однако уже в XIX веке появляется и другая точка зрения, в рамках которой творчество Д.И. Фонвизина не выглядит столь однозначно революционно. Так, известный поэт и литературный критик П.А. Вяземский в своем труде «Фон-Визин» обнаружил в сочинениях сатирика идеологические противоречия. Он писал: «Дома бич предрассудков, ревнитель образованности и успехов разума, Фон-Визин путешественник смотрит на все глазами предрассудка и только что не гласным образом, а отрицательными умствованиями, проповедует выгоду невежества» (Вяземский http). В XX веке эту критическую традицию продолжил в своих многочисленных работах, посвящённых творчеству Д.И. Фонвизина, исследователь литературы и публицист С.Б. Рассадин[1]. В них Д.И. Фонвизин был представлен как неоднозначный писатель, в творчестве которого прогрессивные элементы сочетались с консервативными убеждениями (см.: Рассадин 1980). Продолжая эту линию, А. Зорин в предисловии к книге Г.А. Гуковского «Русская литература XVIII века» заявил, что «мера оппозиционности, скажем Фонвизина … оказывается существенно преувеличена» (Зорин 1999: 10). В.И. Моряков высказался еще более определенно: «Неприятие Фонвизиным нарождавшегося во Франции буржуазного общества свидетельствует, на наш взгляд, что западноевропейская концепция личности как свободного субъекта сознательной волевой деятельности не стала основой его убеждений. Он еще, … в значительной степени был подчинен по большей части архаичному российскому социуму, отождествлен со своей социальной ролью» (Моряков 2011: 65). Действительно, анализируя беспощадную критику правящих сословий, советские литературоведы не обратили

[1] Рассадин С.Б. Фонвизин. М., "Искусство", 1980. – 288 с. Рассадин С.Б. Умри, Денис, или Неугодный собеседник императрицы (История жизни и творчества Дениса Ивановича Фонвизина). — М.: Текст, 2008.; Рассадин С.Б. Сатиры смелый властелин. — М.: Книга, 1985. — 268 с. Рассадин С.Б. Русская литература: От Фонвизина до Бродского. — М.: Слово/Slovo, 2001. — 288 с.и др.

или не захотели обратить свое внимание на систему ценностей и цели, которые преследовал Д.И. Фонвизин, подменяя их собственными идеологическими конструктами.

Мы полагаем, что, с одной стороны, творчество Д.И. Фонвизина является более цельным, чем это виделось, к примеру, П.А. Вяземскому и С.Б. Рассадину. С другой – оно содержало в себе внутренние противоречия, обусловленные, как мы думаем, очень распространенным в то время, а также весьма популярным сегодня в среде разнообразных традиционалистов и националистов взглядом на историю и политическую культуру народов. Речь идет о так называемой теории географического детерминизма Ш. Монтескье. Идеи Ш. Монтескье, по словам Г.А. Гуковского, оказали большое влияние на окружение братьев Никиты Ивановича и Петра Ивановича Паниных, куда входил и Д.И. Фонвизин.

В научном дискурсе довольно часто слова Д.И. Фонвизина о вольности: *«Бесспорно, что вольность есть первый дар природы и что без нее народ мыслящий не может быть счастлив»* (Фонвизин http) приводятся как некое абсолютное доказательство его гуманизма и наличия просветительских, чуть ли не республиканско-демократических, политических установок. Однако дело представляется нам более сложным. На наш взгляд, концепт «вольность» в фонвизинском дискурсе трактовался, с одной стороны, как довольно абстрактная максима, своего рода идеальная модель в идеальном мире. С другой – вовсе не предполагал отказа от сословно-иерархического (в российском случае от крепостного) общества, сословных привилегий, разделения общественных функций согласно принадлежности человека к сословию и т.п.

Аристократ и владелец крепостных рабов, Д.И. Фонвизин, очевидно, не представлял своей жизни вне сложившихся сословных отношений. Здесь его все устраивало. В то же время прогрессивные взгляды, идеальные конструкты, исповедуемые передовой русской дворянской интеллигенцией, приходили в столкновение с реальной рабовладельческой социальной практикой. Именно социальная философия Ш. Монтескье позволила достаточно гибко подойти к вопросу, в котором наблюдался, как сказали бы политологи, «конфликт интересов» самого Фонвизина.

Французский философ-просветитель Ш. Монтескье в своей книге «О духе законов» выявил, как ему казалось, прямую зависимость социальных (семейных, политических, гражданских) отношений от

географического местоположения народа и климата, плодородия почвы и т.д. Связав воедино климат, «дух законов», «дух правления» и «дух народа», Монтескье предложил две базовые, подходящие для каждого народа системы управления: республику и монархию (третья – деспотия, хоть и существующая в реальном мире, отвергалась им как неестественная форма правления). В ходе размышлений он обнаружил великую причину «… слабости Азии и силы Европы, свободы Европы и рабства Азии» (Монтескье, гл. III http).

Как оказалось, при заинтересованном прочтении «Дух законов» мог стать книгой, легитимизующей крепостное право. Согласно Ш. Монтескье, Россия не могла быть республикой, хотя бы в силу своей огромности. Республиканский строй, как полагал философ-просветитель, подходил лишь для небольших городов-государств типа Венеции. Даже монархией ей быть было весьма затруднительно. По мнению философа, обширные государства могут быть только деспотиями. Кроме того, «общий дух» русского народа сформировался в условиях самодержавия. Другими словами, при определенном угле зрения концепцию Ш. Монтескье можно было рассматривать как доказательство объективных, в определенном смысле непреодолимых барьеров на пути становления общества равенства («республиканского»), в рамках которого «вольность» предполагает отказ от сословности. Зато в классификации типов правления Монтескье, видимо, в связи с тем, что республика представлялась недосягаемым идеалом, предлагалась более приземленная «демократическая» форма правления – конституционная монархия, на тот момент прекрасно показавшая себя в Англии. Правда, в глазах самого Фонвизина Англия, в которой он нашел «равенство», явно сдвигалась в республиканскую сторону. Он писал: «Равенство есть благо, когда оно, как в Англии, основано на духе правления…» (Фонвизин http:). И это не случайно. Одновременно в сознании сатирика в сторону монархии начала «дрейфовать» Россия, по своим характеристикам более подходившая под определение «деспотии» (напомним, «московиты» упоминаются у Ш. Монтескье в контексте деспотии (уравниваются с турками (восточная деспотия) и рабства («легко продают себя,… потому что их свобода ничего не стоит» (Монтескье, кн. 15, гл. VI http:), обвиняются в грубости и каком-то особом бесчувствии («Чтобы пробудить в московите чувствительность, надо с него содрать кожу» (Монтескье, кн. 14, гл. II http)), а Франция неожиданно объединила в себе худшие черты республики (развязность

и наглость плебса) и деспотии (произвол королевской власти). Вместе с этим две формы правления, республика и монархия, обретают черты «естественных» для народа. То есть во втором случае «естественными» объявляются сословное неравенство, привилегии и ограничения, права элиты и политическое бесправие социального низа (возможность влиять на свою судьбу) – по формуле «умеренного рабства» Ш. Монтескье, когда оно «…основано на свободном выборе, который делает человек, ради собственной пользы отыскивающий себе господина, и является, таким образом, следствием взаимного соглашения обеих сторон» (Монтескье, кн. 15, глава VI http). Нарушение же «естественного» порядка вещей, то есть развал сословной структуры общества, может быть чревато национальной катастрофой («… *во Франции равенство есть зло*…» (Фонвизин http)). В отношении России зло есть разрушение самодержавной деспотии: «*…в государстве, где народ родился и привык жить в неволе, мудрено вдруг народу возвратить сей (естественный) дар без смертельного погубления самого государства. (Или народ из неволи вдруг ворвется в самовольство, или вольность. Нет ничего ближе…*)» (текст, сохранившийся в черновике письма) (Фонвизин http:). Таким образом, позиция Фонвизина близко примыкала к самодержавной концепции власти для России, заявленной в «Наказе» от 1776 года императрицы Екатерины II, также использовавшей концепцию Монтескье для легитимизации крепостнического государства. «Никакая другая власть, - писала Екатерина, - на таком пространстве не может действовать и была бы не только вредна, но прямо разорительна для граждан» (Баскин 1975: 135).

Тем не менее ни Франция, как объект пристального интереса, писательского и дипломатического, ни Россия, предмет заботы и любви, не являлись для Фонвизина образцами «правильного» политического устройства, основанного на «естественности» социальных отношений. Собственно, художественно-публицистическое творчество Фонвизина: его сатиры, статьи и письма – это попытка исправления отклонений от «природных» социальных моделей. Для Фонвизина ответ на вопрос: «Откуда исходит главная угроза обществу» был очевиден. Беда может случится вследствие разрушения «естественных» барьеров между сословиями. Поэтому основная задача общества – всеми силами стараться поддерживать межсословные границы, замыкать на себя основные сословия, контролировать их социальное поведение, включая речевое поведение,

внешний облик, манеры, одежду, эмоциональную и интеллектуальную сферы, выявлять и наказывать нарушителей. Знаковая природа культуры раскрывалась для Фонвизина через качественное отличие двух основных типов человека: властвующего (дворянина-аристократа) и подвластного («раба», крестьянина, холопа). Именно четкое соблюдение этого принципа гарантировало соблюдение законов, отсутствие произвола, коррупции и других недостатков в обществе.

В фонвизинской концепции общества основной и, в общем-то, единственной социально-политической, культурной и моральной силой объявлялось дворянство. Как справедливо писал Ю.В. Стенник, «… Фонвизин жил во власти представлений о высоких нравственных обязанностях дворянина» (Стенник 1983: 6). Только вот какова конечная цель соблюдения этих «высоких нравственных обязанностей», исследователь, к сожалению, не уточняет. А она, на наш взгляд, состояла в сохранении «естественного» политического статус-кво, социальной иерархии, высоты и надежной непроницаемости сословных границ.

Д.И. Фонвизин обладал особой чуткостью к тому, что нарушало сословные границы, он неустанно выявлял эти пробоины (бреши) в сословных бастионах. В основном, именно этой проблематике были посвящены его социальные сатиры «Бригадир» и «Недоросль». В них моральной «чистке» подвергся аристократический слой общества, к которому принадлежал сам автор, именно в контексте тех обязанностей, которые на него возлагались.

Основной конфликт драматургического творчества строился вокруг столкновения двух типов русских аристократов, которых в научной классификации вполне уместно называть рабовладельцами. Первый тип – «правильные», «подлинно-культурные» (Коковин 2013: 32) помещики и «слуги Отечества» (Стародум, Правдин, Милон и др.), соблюдающие кодекс дворянского поведения (т.н. дворянской чести) и этим заслуживающие свои сословные привилегии и права владения рабами. Второй тип – такие же идеальные социальные модели «злонравных нарушителей гражданского спокойства», то есть правил поведения русского аристократа (Простакова, Скотинин, Советница, Иванушка, Митрофанушка и т.п.), «полулюди… поверхностно-культурные» (Коковин 2013: 32), приближающиеся по своему облику (поведению, манерам) к мужику («рабу», «скоту»), что, по мнению самого Фонвизина, абсолютно недопустимо. Анималистические маркеры («говорящая» фамилия – Скотинин, любовь дворян к

свиньям), применяемые к провинциальным аристократам, весьма красноречивы и обозначают призрачность или опасную для крепостного порядка истонченность социальных границ между социальным верхом и низом. Свинья в данном контексте – грязное, подлое животное, символизирующее самые низменные инстинкты и желания – становится символом упадка, деградации высокого социального статуса. Простакова и Скотинины смешны не потому, что они дерутся, ругаются, грубят, а потому, что делают это не в приличествующей достойным членам благородного дворянского общества форме, а в форме, более свойственно поведению подлых, рабских сословий (крестьян, холопов), для которых подобный образ жизни является «естественным» и вызывает, скорее, не удивление и смех, а понимающее презрение благородного верха к невежественному низу. Главная опасность Простаковой и Скотинина, с точки зрения русского сатирика, состоит в том, что они дискредитируют не только себя, но и сословие в целом, тем самым подвергая сомнению его высокое социальное положение, его естественное право повелевать, контролировать и судить. Не случайно в финале пьесы «Недоросль» наказанием для не оправдавших высокое звание дворянина служит лишение их привилегии распоряжения своими рабами, опека над которыми передается «правильным» крепостникам-рабовладельцам (Правдину), носителям высоких помыслов, патриотизма, идей служения Отечеству.

Из страха потери социального лидерства и авторитета вырастает, на наш взгляд, и еще ряд озабоченностей автора. Первая относится к проблеме излишней физической и эмоциональной близости рабов и их хозяев. Так в «Недоросле» представлена картина гибельного, неестественного для России смешения социальных ролей и статусов, когда из пары с долженствующими качественными отличиями хозяин (Митрофанушка) – раб (Еремеевна) в результате нарушения принципа сегрегации «…получается не один, а два раба». Использование в роли воспитателей будущего повелителя (Митрофанушки) представителей подлых сословий (Цыфиркин, Кутейкин, Вральман – кучеры, отставные низкие чины, сельские дьячки), с их приземленными потребностями и ценностями, также ведет к стиранию различий, а значит, к деградации иерархического социального Порядка.

Вторая существенная угроза для крепостного уклада – внедрение в русскую авторитарную социальную природу чуждых демократических элементов, заимствованных из популярной в то

время Франции. Весьма заметная черта фонвизинских драм – резкое неприятие всего французского. Упреки в аморальности, отсутствии патриотизма и даже ума, направленные в адрес русских дворян-франкофилов, также нужно рассматривать в контексте концепции естественного общества «умеренного рабства». Они смешны, неестественны не только потому, что просто по-человечески глупы, но и потому, что, находясь в плену своей глупости и невежества, повторяют крайне неудачный социальный опыт страны, отвернувшейся от своей общественной природы, разомкнувшей границы сословий и, вследствие этого, терпящей моральную катастрофу.

Общественный темперамент Д.И. Фонвизина не мог быть удовлетворен лишь драматической формой и требовал своего выражения в открытом, прямом слове, реализуясь в переводах и в эпистолярном творчестве. Фонвизин жил и творил в эпоху расцвета сентиментализма. В рамках этого художественного направления широкое распространение получили дневниково-эпистолярный жанр и жанр путевых очерков, нередко соединяясь в одно жанровое образование, а также становясь основным литературным приемом при раскрытии характеров в романах того времени. Этот жанр часто использовался в творчестве выдающихся писателей, социальных философов и публицистов Л. Стерна, С. Ричардсона, Вольтера, Ш. Монтескье, Д. Дидро, И.Г. Гете, Ж.-Ж. Руссо и др. Таким образом, можно сказать, что обращение Фонвизина к эпистолярному творчеству находилось в русле основных художественных тенденций своего времени.

Сегодня мы можем с уверенностью заявить, что эти письма, написанные в 1770-х – 1780-х гг., имеют большое культурное значение и достойны стоять в одном ряду с «Письмами русского путешественника» Н.М. Карамзина и «Летними заметками о зимних впечатлениях» Ф.М. Достоевского. Что же касается идеологической преемственности, то здесь Д.И. Фонвизин более близок к Ф.М. Достоевскому (на это указывал и С.Б. Рассадин), а с Н.М. Карамзиным его объединяют разве что более или менее совпадающие география и даты заграничных поездок.

Конечно, сентиментализм как художественное направление не ограничивался лишь формальными поисками, то есть использованием определенных жанровых форм. Употребление этих форм было обусловлено нравственно-идеологическими задачами, которые

ставили перед собой европейские мастера слова. Письма путешественника становились удобной формой проведения идеологии Просвещения, идей демократической направленности: социального равенства и справедливости, равенства всех граждан перед законом, гражданства и политической нации. Письма позволяли проявить сочувствие к жертвам социальной несправедливости, солидарность с ними, воспитывая в обществе новую чувствительность, формируя мораль Нового мира, его антисословную социальную этику.

В письмах из-за рубежа Д.И. Фонвизин продолжает и развивает свою излюбленную идею, которую можно назвать сегрегационной, на примерах европейских стран (в основном Франции), благо что поводов нашлось в изобилии. Совсем не случаен тот факт, что свою главную пьесу «Недоросль» сатирик начал в 1778 году, сразу по приезде из полуторагодового путешествия по Франции. Идейные переклички писем и пьесы очевидны.

Д.И. Фонвизин отправился в путешествие в момент для Западной Европы поистине драматический. Как писал сам сатирик, *«… история нашего века будет интересна для потомков. Сколько великих перемен!… Сей век есть прямое поучение царям и подданным»* (Фонвизин http). Это была эпоха стремительной трансформации общества традиционной властной легитимности, основанного на строгой иерархии и социальном разделении, в общество современного типа, контуры которого проступали еще недостаточно ясно. Именно этот распад привычных и понятных иерархических моделей социального поведения не только фиксирует, но и горячо отвергает русский сатирик в своих письмах, написанных по горячим следам и предназначенных более широкому кругу адресатов, «…нежели семейный и дружеский…» (Степанов, 1986, 220).

На первый взгляд, в письмах соблюдены гуманистические каноны сентиментализма, свидетельствующие о продолжении русским автором европейской просвещенческой идеологической традиции. Среди них, к примеру, сочувственное изображение беднейших слоев населения, ужасающих условий жизни простых французов, «толп нищих», страждущих, окружающих карету путешественника.» *«Народ в провинциях еще несчастнее, нежели в столице* - сокрушается русский автор (Фонвизин http). Ограничения королевской власти не работают, в стране процветают произвол, фаворитизм и коррупция: *«Король, будучи ограничен законами, имеет в руках всю силу попирать законы. Les lettres de cachet суть именные указы, которыми*

король посылает в ссылки и сажает в тюрьму, которым никто не смеет спросить причины, и которые весьма легко достают государя обманом, что доказывают тысячи примеров. - Каждый министр есть деспот в своем департаменте… Налоги, частые и тяжкие, служат к одному обогащению ненасытных начальников» (Фонвизин http).

Как известно, точное выявление симптомов болезни еще не гарантирует верного медицинского диагноза. Д.И. Фонвизин полагает, что причина наблюдаемого им положения дел – в плохом воспитании дворян, в небрежении своим статусом: статус дворян и их представления о сословных обязанностях снижаются до уровня собственной прислуги, чей набор ценностей и нравственно-психологических черт едва ли не противоположен. Таким образом, в общей смысловой структуре произведений Д.И. Фонвизина приведенные нами цитаты приобретают обратный смысл, становясь своего рода авторитарным манифестом, частью охранительно-консервативного авторитарного дискурса, направленного на восстановление «природных» различий и «естественных» сословных привилегий во Франции и в самой России.

Сквозной мыслью во всем творчестве Д.И. Фонвизина проходит идея о том, что Франция никак не может служить примером для России. Более того, под представленным углом зрения Россия видится не отсталым рабовладельческим государством с архаической системой управления, полицейским произволом и т.п., а страной, находящейся в авангарде борьбы за естественность, сохранность чистоты сословий и выступающей образцом верности своей природе. Так Д.И. Фонвизин переворачивает пирамиду престижа. По его мнению, русские рабы, живущие, видимо, «в доверенности к начальству», чувствуют себя намного лучше псевдосвободных французских подданных. Довольно смело уравнивая полную телесную зависимость раба и работу свободного человека по найму, он пишет: *«…. Я видел Лангедок, Прованс, Дюфине, Лион, Бургонь, Шампань. Первые две провинции считаются во всем здешнем государстве хлебороднейшими и изобильнейшими. Сравнивая наших крестьян в лучших местах с тамошними, нахожу, беспристрастно судя, состояние наших несравненно счастливейшим. Первое право каждого француза есть вольность: но истинное настоящее, его состояние есть – рабство. Ибо бедный человек не может снискивать своего пропитания иначе, как рабскою работою; а если захочет пользоваться драгоценною*

своею вольностью, то должен умереть с голоду. Словом: вольность есть пустое имя, и право сильного остается правом превыше всех законов… Рассматривая состояние французской нации, научился я различать вольность по праву от действительной вольности. Наш народ не имеет первой: но последнею во многом наслаждается. Напротив того, французы, имея право вольности, живут в сущем рабстве…» (Фонвизин http).

Добавим, что проблема чистоты сословной крови тревожила еще юного Фонвизина. В 1761 году он кратко перевел некоторые нравоучительные басни барона Гольберга. Судя по басне «Осел-дворянин» (136), уже тогда его особую неприязнь вызвало стремление низших слоев общества (животных, «ослов») правдами и неправдами прорваться в круг господ. *«Осел купил дворянство,* - пишет Фонвизин, *– и начал гордиться тем пред своими товарищами. Сорока, услышав то, сказала: «Невозможно тем гордиться такой глупой твари, и он со всем своим дворянством всегда останется глупым ослом»* (Фонвизин 1959: 357). По мнению будущего драматурга, дворянские «добродетели» должны сопутствовать дворянскому происхождению (об этом басня 144 «Кошка хвастает свои дворянством»).

Этот же вопрос, поднимаемый в «Недоросле», обсуждается и в письмах на примере Франции, где «продажа чинов и должностей» приняла массовый характер. В результате этого *«множество подлых людей душою и происхождением»* (Фонвизин http), то есть людей из социальных низов, воспользовавшись деньгами как социальной отмычкой, стали проникать в правящий класс. *«К приобретению начальства одни деньги потребны стали»*, - сетует русский аристократ (Фонвизин http). Чистота крови и сопутствующие ей благородное воспитание и манеры перестали во Франции определять социальное положение, и это *«… есть – зло безмерное, вымышленное в несчастные времена, когда не было откуда взять денег на нужнейшие государственные расходы»* (Фонвизин http). *«Зловредные следствия»* смешения господской и подлой крови привели, как полагает Д.И. Фонвизин, к тому, что в политологии называется «кризисом легитимности правления», когда *«… доверенность к начальникам уступила место душевному к ним презрению»* (Фонвизин http:).

Кризис власти и иерархического Порядка подтверждают многочисленные примеры, призванные дорисовать картину всеобщего морального разложения. Так, низшие чины позволяют себе «дерзкие»

выходки в присутствии своих хозяев. В посланиях из Монпелье Д.И. Фонвизин с негодованием описывает случаи подобного поведения: *«В один раз, когда ложа наполнена была лучшими людьми города, часовой, соскучив стоять на своем месте, отошел от дверей, взял стул и, поставя его рядом со всеми сидящими знатными особами, сел тут же смотреть комедию, держа в руках свое ружье… Удивила меня дерзость солдата…»* (Фонвизин http). Оскорбляется путешественник и *«… невежливостию французских лакеев. … Лакеи здешние такие неучи, что в самых лучших домах быв впущены в переднюю, кто бы не прошел мимо, дама или мужчина, ниже с места не тронутся и, сидя, не снимают шляп…»*, *«с крайней неучтивостью» ведут себя даже с «представляющим королевскую особу», проходящим «мимо этих скотов…»* (Фонвизин http). Слуги, по мнению Д.И. Фонвизина, также ведут себя недостойно: они не спешат выполнять не оплаченную и не оговоренную в договоре работу: *«… а слуги их… надвинув на глаза шляпу, кроме своего господина не смотрят ни на кого… если нет лакея, то несчастный хоть умри с голоду… а соседа твоего лакей, как ни проси, тарелки твоей не примет («кроме своего господина, я никому не служу»)… кавалеры святого Людовика, люди заслуженные… ходят с тарелкою около сидящих и просят, чтоб кушанье на тарелку им положили. Как скоро съест, то побежит в переднюю к поставленному для мытья посуды корыту, сам, бедный тарелку свою вымоет…»* (Фонвизин http). Образцом правильного социального поведения служат русские крепостные: *«Фишер и Петрушка одеты у меня в ливрее и за столом служат. Я предпочитаю их двум нанятым французам, которых нельзя и уговорить, чтоб, кроме меня, приняли у кого-нибудь тарелку»* (Фонвизин http).

Во французской армии порядки ничуть не лучше: *«Всякий солдат умствует, следственно плохо повинуется. При мне король смотрел свой полк. Все чужестранные, между коими были из наших генерал-майор К. Д., полковники Б. и Н., не могли от смеха удержаться, смотря на маневры. Я, не смысля ничего в сем искусстве, мог приметить, что солдаты командиров своих нимало не уважают… солдаты, разговаривая один с другим о своих делах, изо всей силы хохотали»* (Фонвизин http). Недолжное исполнение начальствующих указаний автор видит и в русских войсках: *«Недавно при атаке местечка Тиник, близ Кракова, наша пехота легла на землю и пошла к своей должности»* (Фонвизин http). Весьма

показательно, что «сатирику-гуманисту» даже в голову не пришла мысль о смертельной опасности, грозящей русским солдатам и, вероятно, помешавшей им исполнить «свою должность». В другом примере Д.И. Фонвизин описывает бунт на Камчатке и фактическое бегство людей за рубеж: *«ссылочные люди… сев на лодки, поплыли в Америку, будто завоевывать её великому князю»* (Фонвизин http).

Низшие слои ведут себя так, как позволяют им вести себя их хозяева – дворяне, напомним, ответственные за общественный Порядок. Во Франции, как заметил Д.И. Фонвизин, вопиющие нарушения сословных приличий не встречают никакого сопротивления со стороны социальной группы, призванной определять и контролировать поведенческие границы, то есть дворян-начальников: *«Подле него* (солдата – М.В.) *сидел майор его полка и кавалер св. Людовика. Удивила меня дерзость солдата и молчание его командира, которого взял я вольность спросить: для чего часовой так к нему присоседился? "C'est qu'il est curieux de voir la comedie" {Потому, что ему любопытно смотреть комедию (франц).}, - отвечал он с таким видом, что ничего странного тут и не примечает»* (Фонвизин http); другой *«офицер шатается по улицам без слуги»* (Фонвизин http). Французские дворяне не реагируют на лакеев, не снимающих перед ними шляпу. Не осаждая зарвавшийся плебс, попустительствуя и потакая развязному социальному поведению, французские аристократы проявляют преступное легкомыслие, разрушая престиж своего собственного положения, подрывая основы общества и подавая дурной пример всей Европе, включая Россию.

Впрочем, отсутствие адекватной реакции убеждает Д.И. Фонвизина в разрушении всей вертикали общества: *«Правда, что и господа изрядные есть скотики»* (Фонвизин http). Так смешение сословий достигает своих пределов: *«… сей род жизни делает все состояния так равными, что последний повеса живет в приятельской связи с знатнейшею особою»* (Фонвизин http). Одним из примеров морального падения (снижения представлений о дворянском достоинстве) является желание французских аристократов работать на подлых должностях в России и сама форма, в которую это желание облекается: *«…каждый французский дворянин, при всей своей глупой гордости, почтет за великое себе счастие быть принятым гувернером к сыну нашего знатного господина… Множество из них мучили меня неотступными просьбами достать им такие места в*

России» (Фонвизин http).

Социальные правила, ограничивающие своеволие, перестают работать и внутри верхушки общества. Об этом рассказывает эпизод дуэли дюка дэ Бурбона с принцем крови. Дюк позволяет себе преследовать брата короля, поведшего себя не совсем учтиво с его женой. Дэ Бурбон буквально вынуждает принца выйти на поединок, не видя в этом ничего неприличного. Этот случай вызывает растерянность у Д.И. Фонвизина, и он запрашивает мнение своего высокого покровителя графа Н.И. Панина: *«Я свидетелем был сей сцены, о которой весьма бы желал знать мнение вашего сиятельства»* (Фонвизин http).

Своих «французских Скотининых» Д.И. Фонвизин находит среди *«первых особ в государстве»*. Автор писем подмечает разрушение дворянских паттернов поведения, смешение их с простонародными. Так принц крови говорит «*… грубо, произнося слова отрывисто»*, ходит *«… переваливаясь, разинув рот, не смотря ни на кого»*, толкает *«…всякого, с кем встретится»,* смеется *«… без малейшей причины, сколько сил есть громче»* (Фонвизин http). Пример элиты заразителен для других: *«… все молодые люди подражают его* (принца – М.В.) *тону…»* (Фонвизин http:).

С еле скрываемым раздражением и настороженностью описывает Д.И. Фонвизин и вызывающую манеру поведения простых парижан. Его внимание привлекает их невиданная общественная активность, граничащая с развязностью. Так, в театре третьесословная публика из партера приветствует поединок Дюка и графа (*«…публика, сведав, что они дрались, обернулась к их ложе и аплодировала им с несказанным восхищением, крича: браво, браво, достойная кровь Бурбона!»* (Фонвизин http)), тем самым бесцеремонно вмешиваясь в сферу деятельности (личной жизни) высших лиц. Публика, не стесняясь, публично и громко высказывает свое мнение, в данном случае – одобрение поступка двух храбрых мужчин, презревших иерархические сословные преграды. Третье сословие ведет себя невероятно и пугающе деятельно: аплодирует, возносит, почитает, обожествляет, кричит «великим криком», организует факельное шествие, явно выказывая тем свою гражданскую субъектность. Оно само создает себе кумиров и заставляет их, как в случае с Вольтером, невольно принимать правила, которые пишут сами горожане.

Одно из самых значимых, на наш взгляд, писем Д.И. Фонвизина датировано 31 декабря 1777 года. В нем повествуется о полном

драматизма прямом противостоянии простых горожан и представителя короля, графа Перигора. Сама сцена получает у автора письма наименование *«смятение против правительства»*. Суть этого эпизода, или скорее ряда эпизодов, разделенных несколькими днями, состоит в том, что в театре лицом к лицу сталкиваются две воли: одна – воля «партера» (социального низа), участвующего в городском карнавале и потребовавшего от балета «танцевать английский танец», и воля «ложи» (верха, графа Перигора), отменившей этот танец. Сторона «партера» описывается Д.И. Фонвизиным как безумное, хаотическое (театр набит битком), хамское пространство крика, визга, шума (*«этакого крика и в наших кулачных боях, я чаю не бывало… какой поднялся визг от дам …по причине великого шума»* (Фонвизин http)), безумного упрямства и наглых претензий (*«…наглость раздраженного народа… кричали, что они не выйдут из партера, не видав требуемого танца»* (Фонвизин http)), пространство угрозы, «*бешенства*» и насилия (*«насильство партера… грозили все вверх дном поставить»* (Фонвизин http)); в этом пространстве «*принуждают*», запугивают, здесь правят низкие чувства: безнаказанность, хамство, невоздержанность, бескультурье и т.п.

В то же время действия графа Перигора против публики оправдываются, характеризуются как необходимые, вынужденные, ограничивающие произвол толпы, как справедливая эмоциональная реакция на произвол: *«рассердился на насильство партера»* (Фонвизин, http:). Упорядочивание хаотического пространства социального низа приходит извне и сверху. Быстро и решительно, к явному удовольствию Д.И. Фонвизина, в театре наводится порядок с помощью вооруженного караула: *«… по повелению графа, вбежали в партер человек пятнадцать гренадер с обнаженными палашами… закричали, чтоб все убирались из партера или рубить будут», и «бунт закончился»* (Фонвизин http). Противостояние безоружных людей и вооруженных солдат заканчивается предсказуемой победой последних. Поведение партера сразу после подавления «бунта» описывается автором письма еще более экспрессивно чем предыдущие стадии конфликта. Эмоционально окрашенная речь выражает одновременно радость и высокомерное презрение победителя к недостойному и зарвавшемуся врагу: *«Вся храбрая сволочь, которая за минуту пред тем грозила театр поставить вверх ногами, бежала сломя голову вон: один давил другого и в четверть часа все выбежали вон, чем дело и закончилось»* (Фонвизин http). Весьма показательно то,

что по ходу развития событий Д.И. Фонвизин занимает однозначную нравственную позицию: он всецело принимает сторону власти и даже перебирается в театральную ложу графа Перигора.

История, однако, на этом не заканчивается. Выясняется, что власть выиграла только сражение, но не войну. *«Третьего дня» «бунт»* продолжился («*… партер шумел так, что у соседа своего не мог я ни о чем спросить…*» (Фонвизин http)). *«Директор комедии»* проявил, по мнению Д.И. Фонвизина, малодушие (*«хотел услужить партеру»*) и согласился на его требования. Однако слабость только раззадорила народную толпу и спровоцировала «партер» снова проявить свои низкие моральные качества: народ *«…возгордился… и закричал, чтоб дали немецкий танец»* (Фонвизин http). Граф Перигор, в свою очередь, повторно проявив «*твердость*» и решив *«не потворствовать нахальству партера»*, прибег к арестам и насилию в отношении «остервенелого народа»: *«вбежали солдаты и самых задорных стали хватать за ворот и отсылать в городскую тюрьму»* (Фонвизин http). Побеждённые, но не сломленные горожане продемонстрировали удивительные навыки гражданского сопротивления, солидарности и самоорганизации. Они устроили бойкот театру, вынуждая директора *«со слезами на глазах»* просить Перигора остановить войну против народа. Финал этой драмы оставляет Д.И. Фонвизина в некоторой растерянности: *«не знаю, что-то будет сегодня»* (Фонвизин http).

Активность и чрезмерная заметность простых горожан (которые в «правильном» социальном порядке «умеренного рабства» должны быть скромными и малозаметными, знать свое место, стараться не нервировать высокородных господ своим затрапезным видом и не попадаться лишний раз им на глаза), настолько раздражает Д.И. Фонвизина, что в конце концов он делает принципиальный вывод о лености и праздности жителей города: *«И действительно, всякий день здесь праздник. Видя с утра до ночи бесчисленное множество людей в беспрерывной праздности, удивиться надобно, когда что здесь делается… … Все столько любят забавы, сколько труды ненавидят; а особливо черной работы народ терпеть не может… Не упоминая о садах, всякий день пять театров наполнены»* (Фонвизин, http:).

Довольно проницательно предвидя выдающуюся роль третьего сословия в общей структуре современного общества, Д.И. Фонвизин экстраполирует оценку, данную парижанам, на всю нацию. В его глазах

французы алчны (*«… деньги есть первое блаженство здешней земли… Божество его – деньги. Из денег нет труда, которого б не поднял, и нет подлости, которой бы не сделал»* (Фонвизин http)), они развращены до крайности (*«Развращение нравов дошло до той степени, что подлый поступок не наказывается уже и презрением. Честнейшие действительно люди не имеют нимало твердости отличить бездельника от доброго человека»* (Фонвизин http)), склонны лгать, обманывать (*«… французы обманывают несравненно с большим искусством и не знают и обманах ни меры, ни стыда… … Обман почитается у них правом разума. По всеобщему их образу мыслей, обмануть не стыдно; но не обмануть – глупо. Смело скажу, что француз никогда сам себе не простит, если пропустит случай обмануть хотя в самой безделице»* (Фонвизин http)), при этом не в меру болтливы и глупы (*«… слова сплетают мастерски, и если в том состоит разум, то всякий здешний дурак имеет его превеликую долю. Мыслят здесь мало, да и некогда, потому что говорят много и очень скоро. Обыкновенно отворяют рот, не зная еще, что сказать; а как затворить рот, не сказав ничего, было бы стыдно, то и говорят слова, которые машинально на язык попадаются, не заботясь много, есть ли в них какой-нибудь смысл. … Рассудка француз не имеет и иметь его почел бы несчастьем своей жизни, ибо оный заставил бы его размышлять, когда он может веселиться… … Острота, не управляемая рассудком, не может быть способна ни на что, кроме мелочей, в которых и действительно французы берут верх пред целым светом»* (Фонвизин http)), праздны и беспечны (*«Забава есть один предмет его желаний… … А как на забавы потребны деньги, то для приобретения их употребляет всю остроту, которою его природа одарила»* (Фонвизин http)).

Катастрофа французского общества усугубляется стремительным перераспределением нравственного и идейно-интеллектуального лидерства (общественного вождества). От дворян оно переходит в руки новых лидеров общественного мнения, феномен влияния которого наблюдал Д.И. Фонвизин, – философов-просветителей. Люди, внесшие выдающийся вклад в становление современной цивилизации, представлены в письмах русского путешественника шутами и плутами, незаслуживающими быть предводителями нации: *«Д'Аламберты, Дидероты — в своем роде такие же шарлатаны, каких видел я всякий день на бульваре; все они народ обманывают за деньги, и разница между шарлатаном и философом только та, что последний к*

сребролюбию присоединяет беспримерное тщеславие… … Из всех ученых удивил меня Д'Аламберт. Я воображал лицо важное, почтенное, а нашел премизерную фигуру и преподленькую физиономию» (Фонвизин http).

Вывод из всех наблюдений для Д.И. Фонвизина очевиден: *«Если кто из молодых моих сограждан, имеющий здравый рассудок, вознегодует, видя в России злоупотребления и неустройства, и начнет в сердце своем от нее отчуждаться, то для обращения его на должную любовь к отечеству нет вернее способа, как скорее послать его во Францию. …Здесь, конечно, узнает он самым опытом очень скоро, что все рассказы о здешнем совершенстве сущая ложь»* (Фонвизин http).

Подведем краткий итог. Д.И. Фонвизин – человек яркого сатирического и публицистического дарования, которое использовал, в том числе, для обоснования необходимости авторитарного политического правления во Франции и России. Основой морального и политического порядка Д.И. Фонвизин считал четкие границы между сословиями, недопустимость смешения хозяина и раба. Его претензии к аристократии, как французской, так и русской, состояли в том, что она не умеет и не желает качественно отличаться от социальных низов и строго контролировать социальное поведение основных групп общества. Франция для Д.И. Фонвизина оказалась страной, в которой моральное и социальное разрушение достигло своего апогея, а сословное неравенство как во Франции, так и в России легитимизовалось с помощью дискурса социальной сегрегации и дискредитации социального порядка во Франции.

Список литературы:

Баскин М.П. Монтескье. М.: Мысль, 1975. 166 с.

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. (в 13-ти т.) / (ред. коллегия: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др.); Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953-1959. Т. 11: Письма: 1829-1840 / подготовка текста и примеч. К. П. Богаевской; ред. Н. Ф. Бельчиков. - 1956. - 718 с.

Вяземский П.А. Фон-Визин. Режим доступа: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_1848_fonvizin.shtml

Горнфельд А.А. Сатира // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона Режим доступа: https://ru.wikisource.org

Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. Учебник/Вступ. статья А. Зорина. М.: Аспект Пресс, 1999. 453 с.

Зорин А. Григорий Александрович Гуковский и его книга // Гуковский Г.А.

Русская литература XVIII века. Учебник/Вступ. статья А. Зорина. М.: Аспект Пресс, 1999. 453 с. С. 3 – 11.

Коковин И.С. Эволюция идеала человека в России XVIII века. Социальные взгляды Фонвизина // Идеи и идеалы №3(17), Т.2. 2013. С. 26 – 37.

Лотман Ю.М. Собрание сочинений. Том 1. Русская литература и культура Просвещения / Ю.М. Лотман. М.: ОГИ, 2000. 560 с.

Макогоненко Г.М. От Фонвизина до Пушкина (Из истории русского реализма). М.: Художественная литература, 1969. 498 с.

Монтескье Ш.Л. О духе законов. Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.O dukhe.pdf

Моряков В.И. Д.И. Фонвизин о Франции последней трети XVIII в. // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 8. История. 2011. №3. С. 52-68.

Стенник Ю.В. Сатиры смелой властелин // Фонвизин Д. И. Избранное. М., 1983. С. 5-22.

Степанов В.П. Полемика вокруг Д.И. Фонвизина в период создания «Недоросля» // XVIII век. Сб. 15. Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 204 - 228.

Томашевский Б.В. Пушкин. Т. I. Лицей; Петербург. 2 –е изд. М.: Худож. лит., 1990. 367 с.

Фонвизин Д.И. Басни нравоучительные Голберга. 136. Осел-дворянин // Фонвизин Д.И. Собрание сочинений в двух томах. М.; Л.: Гос. Изд-во Художественной Литературы, 1959. Т. 1, с.357.

Фонвизин Д.И. Письма из Франции к одному вельможе в Москву. Режим доступа: http://az.lib.ru/f/fonwizin_d_i/text_1806_pisma_iz_frantzii.shtml

---

Меринов Валерий Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, *merinov@bsu.edu.ru*